Materiallar to’plami · Conference Proceedings

TIL, TARJIMA VA TA’LIM: GLOBAL KOMMUNIKATSIYA VA RAQAMLI INNOVATSIYALAR DAVRIDA YANGI YONDASHUVLAR

03 October 2026

UDK 811.111

ZAMONAVIY LINGVISTIKA VA GLOBAL KOMMUNIKATSIYA

Uch tilli tizimdagi interferensiya: o‘zbek talabalarining nemischa nutqi shakllanishida ona tili, ikkinchi va uchinchi tillarning o‘zaro ta’siri

Shahnoza Ismailovna Askarova*

Ферганский государственный университет

✉ askarova4750@gmail.com

ANNOTATSIYA

Maqola «o‘zbek tili (L1) — ingliz tili (L2) — nemis tili (L3)» uch tilli tizimida interferensiyani tillar o‘rtasidagi mustaqil binar munosabatlar yig‘indisiga keltirib bo‘lmaydigan ko‘p omilli tillararo o‘zaro ta’sir jarayoni sifatida tadqiq etishga bag‘ishlangan. Tadqiqotning empirik asosini A2–B2 darajadagi nemis tili yo‘nalishi talabalarining yozma ishlari hamda og‘zaki nutq yozuvlari tashkil etadi. Tadqiqot metodologiyasi interferensiya xatolarini tahlil qilish, ularning manbasini uch tomonlama qiyosiy tahlil asosida aniqlash, shuningdek, o‘zbek, ingliz va nemis tillarining strukturaviy-tizimli hamda funksional-semantik xususiyatlarini kontrastiv tadqiq etishni qamrab oladi. Bundan tashqari, ingliz tilini turli darajada egallagan sinaluvchilar kichik guruhlarining lingvistik faoliyati qiyosiy tahlil qilindi. Bu esa tillararo transfer mexanizmlarining variativligini aniqlash imkonini berdi.

Kalit so‘zlar

trilingvizm, triadik interferensiya, uchinchi til, tillararo ta’sir, konvergent interferensiya, konvergent lakuna, kompensatsiyalovchi ko‘chirish, o‘zbek tili, ingliz tili, nemis tili.

DOI: 10.5281/zenodo.23278006

Введение. Понятие интерференции, введённое в научный оборот У. Вайнрайхом [1] и Э. Хаугеном [2] и разработанное в трудах В.Ю. Розенцвейга [3], Ю.А. Жлуктенко [4], а в сопоставительно-типологическом аспекте — У.К. Юсупова [5] и Дж. Буранова [6], сформировалось в рамках бинарной парадигмы, предполагающей взаимодействие двух систем — родной и изучаемой. Указанная модель обладает объяснительной силой применительно к классическому двуязычию, однако не отражает условий языковой подготовки большинства студентов-германистов Узбекистана: немецкий усваивается ими в качестве третьего языка (L3) — вслед за узбекским (L1) и английским (L2), причём обе иностранные системы формируются институционально и развиваются параллельно.

Исследования усвоения третьего языка [7; 8; 9] установили, что второй язык функционирует как самостоятельный источник межъязыкового влияния, однако объяснительные модели по-разному определяют доминирующий источник переноса: модель фактора статуса L2 [10] отдаёт приоритет второму языку в силу его когнитивного статуса и общности механизмов усвоения; модель типологического приоритета [11] — типологически более близкой системе; модель кумулятивного усиления [12] допускает фасилитирующее воздействие любой ранее усвоенной системы; модель лингвистической близости [13] переносит решение на уровень отдельных признаков; динамическая модель многоязычия [14] трактует языки трилингва как взаимозависимые подсистемы. Все они, однако, отвечают на вопрос об источнике переноса, тогда как в триадной конфигурации не менее существен вопрос о *соотношении вкладов трёх систем в пределах одного явления*.

Исходным для настоящего исследования является положение о несводимости триадной интерференции к сумме двух бинарных влияний. Ранее усвоенные системы способны действовать однонаправленно, кумулятивно усиливая отклонение, либо разнонаправленно, конкурируя за выбор говорящего; обе могут оказаться в равной мере лакунарными относительно категории третьего языка, вследствие чего её формирование осуществляется без внешней опоры; наконец, одна и та же система выступает опорой на одном уровне анализа и источником отклонения на другом.

Цель статьи — описать интерференцию в триаде «узбекский — английский — немецкий» как системное взаимодействие трёх языков. Задачи: 1) разработать классификацию типов триадной интерференции по источнику и направленности переноса; 2) установить их распределение по уровням языковой системы; 3) определить соотношение вкладов трёх систем в выделенных слоях; 4) верифицировать объяснительный потенциал моделей усвоения L3. Гипотеза: устойчивость отклонения детерминируется не источником переноса, а числом поддерживающих его систем.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили данные студентов направления «Немецкий язык» Ферганского государственного университета; L1 узбекский, L2 английский на уровнях A2–B2, L3 немецкий на уровнях A2–B2. Корпус включает письменные работы (сочинения и переводы объёмом 120–200 слов) и аудиозаписи устной речи (чтение стандартизированного текста и монолог 3–5 минут); для части выборки получены образцы англоязычной речи. Для каждого исследуемого явления немецкого языка выполнялось трёхстороннее контрастивное описание в единых терминах [5]: наличие категории, её содержательное наполнение и средства формального выражения в немецком, узбекском и английском языках. В качестве tertium comparationis выступала универсальная семантическая категория (определённость, посессивность, длительность, необходимость) либо отдельный грамматический признак, что обеспечивало прогнозирование зон отклонения до обращения к материалу.

Отклонения выявлялись посредством анализа ошибок [15; 16] с разграничением межъязыковых и внутриязыковых; каждому отклонению приписывались уровень языковой системы (графико-фонемный, просодический, морфологический, синтаксический, лексический) и слой (категориальный, функционально-семантический, формальный). Отдельно фиксировалась **транзитная** интерференция: признак, отсутствующий в норме английского языка, но представленный в англоязычной речи самого обучающегося и восходящий к узбекской системе [17]; её выявление требовало записи речи на обеих иностранных языках. Атрибуция выполнялась двумя экспертами независимо друг от друга. Частотности отклонений сопоставлялись в подгруппах с высоким (B2) и низким (A2) уровнем владения L2 с применением критерия: возрастание частотности при повышении уровня английского верифицировало английский источник, снижение — его компенсирующую функцию.

Полученный материал распределяется по семи типам, дифференцируемым по источнику и направленности переноса. Типы не редуцируемы друг к другу: они обладают различной прогностической силой применительно к устойчивости отклонения и предполагают дифференцированные стратегии коррекции.

Доминирующим типом межъязыкового влияния в данной подсистеме выступает конвергентная лакуна: категории грамматического рода, адъективного согласования, падежа, морфологически выражаемого в артикле, а также умлаутное маркирование множественного числа и дательное *-n* не обнаруживают соответствий ни в узбекском, ни в английском языках, вследствие чего их усвоение осуществляется без опоры на ранее сформированные системы (*mein Lieblingsjahreszeit*, *Ich mag der Frühling*, *mit lecker Essen und gute Stimmung*, *viel Zeit mit Freunde verbringen*). Второй язык обеспечивает при этом существенный компенсирующий перенос, предоставляя категорию артикля как таковую, принцип облигаторной маркированности множественности при квантификаторах и модель предлога как служебной лексемы; родной язык актуализирует функционально-семантические опоры, недоступные носителям английского языка: противопоставление директивности и локативности (*-ga* / *-da*: *maktabga* → *in die Schule gehen*, *maktabda* → *in einer Schule arbeiten*), соотносимое с предлогами двойного управления, дативное оформление адресата и экспериенцера (*menga yordam beradi* → *er hilft*

mir; *menga sovuq → mir ist kalt*), грамматический показатель определённости прямого объекта (*-ni*).

Второй язык выступает почти монопольным источником формального переноса (неизменяемая форма глагола: *die Blumen begin zu blühen*; *haben* вместо *sein*, *sein*-пассив, модель «модальный глагол + инфинитив», аблаут когнатных сильных глаголов), тогда как родной обусловливает перенос категорий и их содержательного наполнения (результативное прочтение перфекта, облигаторность экспликации длительности, выражение футуральности формой презенса, семантика *nicht müssen*, соотносимая с *shart emas*: *Ich muss nicht früh aufstehen ← erta turishim shart emas*.

Обсуждение. Полученные данные позволяют сформулировать три закономерности триадной интерференции. Первая: **резистентность отклонения пропорциональна числу поддерживающих его систем**, а не интенсивности воздействия отдельного источника; бинарная модель, не дифференцирующая источники, такой прогностической силой не обладает. Вторая: **вклад каждой системы подлежит раздельной оценке по слоям**, поскольку одна и та же система выступает опорой в одном слое и источником отклонения в другом, а соотношение источников на двух уровнях зеркально: в фонологии родной язык детерминирует глубинные свойства речевого потока, второй — поверхностные и лексикализованные, тогда как в морфологии второй обеспечивает категориальную основу и формы, родной — функционально-семантическое наполнение категорий, а формальная сторона ряда категорий не обеспечена ни одной из систем. Третья: **второй язык воздействует на третий не как нормативная система, а как интерязык обучающегося** [18], сохраняющий следы родного языка, чем и обусловлена транзитная интерференция.

Модель лингвистической близости [13] описывает это распределение точнее, однако недооценивает систематическую переоценку английского языка обучающимися, детерминированную психотипологией [18; 19] и общностью механизмов усвоения обеих иностранных систем. Адекватная модель триадной интерференции должна, следовательно, быть **трёхфакторной** — учитывающей объективную близость признаков, психотипологическую близость языков и статус языков в компетенции обучающегося; общей теоретической рамкой для неё выступает динамическая модель многоязычия [14].

Заключение. Интерференция в триаде «узбекский — английский — немецкий» не редуцируема к сумме бинарных влияний и описывается семью типами, дифференцируемыми по источнику и направленности переноса (таблица 1). Резистентность отклонения детерминируется числом поддерживающих его систем: конвергентные отклонения преодолеваются медленнее моноисточниковых. Вклад каждой системы дифференцирован по категориальному, функционально-семантическому и формальному слоям; в фонологии и морфологии соотношение вкладов родного и второго языков носит зеркальный характер.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

2. Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953. – 695 p.

3. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.

4. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

5. Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с.

6. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.

7. Cenoz J., Hufeisen B., Jessner U. (eds.) Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 197 p.

8. De Angelis G. Third or Additional Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 160 p.

9. Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition / eds. J. Cenoz et al. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – P. 21–41.

10. Bardel C., Falk Y. The role of the second language in third language acquisition: the case of Germanic syntax // Second Language Research. – 2007. – Vol. 23, № 4. – P. 459–484.

11. Rothman J. L3 syntactic transfer selectivity and typological determinacy: The typological primacy model // Second Language Research. – 2011. – Vol. 27, № 1. – P. 107–127.

12. Flynn S., Foley C., Vinnitskaya I. The Cumulative-Enhancement Model for language acquisition // International Journal of Multilingualism. – 2004. – Vol. 1, № 1. – P. 3–16.

13. Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., Rodina Y. Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The Linguistic Proximity Model // International Journal of Bilingualism. – 2017. – Vol. 21, № 6. – P. 666–682.

14. Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 182 p.

15. Corder S.P. The significance of learner's errors // IRAL. – 1967. – Vol. 5, № 4. – P. 161–170.

16. Kleppin K. Fehler und Fehlerkorrektur. – Berlin; München: Langenscheidt, 1998. – 152 S.

17. Wrembel M. L2-accented speech in L3 production // International Journal of Multilingualism. – 2010. – Vol. 7, № 1. – P. 75–90.

18. Kellerman E. Now you see it, now you don't // Language Transfer in Language Learning / eds. S. Gass, L. Selinker. – Rowley, MA: Newbury House, 1983. – P. 112–134.

19. Ringbom H. Cross-linguistic Similarity in Foreign Language Learning. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 144 p.

20. Hufeisen B. Englisch als erste und Deutsch als zweite Fremdsprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. – 232 S.

21. Hufeisen B., Neuner G. (Hrsg.) Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen: Deutsch nach Englisch. – Strasbourg: Council of Europe, 2003. – 181 S.

Foydalanilgan adabiyotlar

[1] Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

[2] Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1953. – 695 p.

[3] Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972. – 80 с.

[4] Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

[5] Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с.

[6] Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.

[7] Cenoz J., Hufeisen B., Jessner U. (eds.) Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 197 p.

[8] De Angelis G. Third or Additional Language Acquisition. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 160 p.

[9] Hammarberg B. Roles of L1 and L2 in L3 production and acquisition // Cross-linguistic Influence in Third Language Acquisition / eds. J. Cenoz et al. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – P. 21–41.

[10] Bardel C., Falk Y. The role of the second language in third language acquisition: the case of Germanic syntax // Second Language Research. – 2007. – Vol. 23, № 4. – P. 459–484.

[11] Rothman J. L3 syntactic transfer selectivity and typological determinacy: The typological primacy model // Second Language Research. – 2011. – Vol. 27, № 1. – P. 107–127.

[12] Flynn S., Foley C., Vinnitskaya I. The Cumulative-Enhancement Model for language acquisition // International Journal of Multilingualism. – 2004. – Vol. 1, № 1. – P. 3–16.

[13] Westergaard M., Mitrofanova N., Mykhaylyk R., Rodina Y. Crosslinguistic influence in the acquisition of a third language: The Linguistic Proximity Model // International Journal of Bilingualism. – 2017. – Vol. 21, № 6. – P. 666–682.

[14] Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 182 p.

[15] Corder S.P. The significance of learner’s errors // IRAL. – 1967. – Vol. 5, № 4. – P. 161–170.

[16] Kleppin K. Fehler und Fehlerkorrektur. – Berlin; München: Langenscheidt, 1998. – 152 S.

[17] Wrembel M. L2-accented speech in L3 production // International Journal of Multilingualism. – 2010. – Vol. 7, № 1. – P. 75–90.

[18] Kellerman E. Now you see it, now you don’t // Language Transfer in Language Learning / eds. S. Gass, L. Selinker. – Rowley, MA: Newbury House, 1983. – P. 112–134.

[19] Ringbom H. Cross-linguistic Similarity in Foreign Language Learning. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 144 p.

[20] Hufeisen B. Englisch als erste und Deutsch als zweite Fremdsprache. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. – 232 S.

[21] Hufeisen B., Neuner G. (Hrsg.) Mehrsprachigkeitskonzept – Tertiärsprachenlernen: Deutsch nach Englisch. – Strasbourg: Council of Europe, 2003. – 181 S.